

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ

Черный Баламут

Санкт-Петербург

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)-445
О 53

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрации Андрея Печенежского

Иллюстрация на обложке Олега Коржа

© Г. Л. Олди, 2018
© А. Н. Печенежский, иллюстрации, 2018
© О. И. Корж, иллюстрация на обложке, 2018
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15679-1

Гроза в Безначалье

Подвижничество — безвредно, изучение наук — безопасно,
предписания Вед согласно каждой касте — не пагубны,
обогащение при помощи стараний — не предосудительно;
но они же, примененные с дурным умыслом, ведут к гибели.

Махабхарата. Книга первая, шлока 210

Земля — зола, и вода — смола,
И некуда вроде податься,
Неисповедимы дороги зла,
Но не надо, люди, бояться!

Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет:
— Я знаю, как надо!

Кто скажет:
— Тому, кто пойдет за мной,
Рай на земле — награда!

А. Галич

ПРОЛОГ

Пестрый удод был очень занят. Пополудни он чуть было не достался старому коршуну-проглоту с отрогов Махендры, лучшей из гор (бедняга-удод возражал против такого определения, но его мнением никто не интересовался); и теперь приходилось наверстывать упущенное. О Гаруда, мощнокрылый царь пернатых, способный нести землю на одном крыле! До чего же глупо поступают люди, используя зернышки плодов акша-дерева в качестве игральных костей! Игра — штука ненадежная, сегодня тебе везет, а завтра последние перья сдерут, вместе с кожей, тонкой, ни на что не годной кожицей в синих пупырышках! Мудрые знают: куда полезнее без затей клонуть зернышко, запрокинуть голову, глотнуть, а потом клонуть другое, третье...

На миг оторвавшись от увлекательного времяпровождения, удод вздрогнул и подпрыгнул, тряся пушистым хохолком. Нет, почудилось. И все же: словно листья на ветвях, колеблемые ветром, вдруг издали глухое бряцание доспехов под мечами, словно шелест травы наполнился звоном металла и ржанием коней, словно в лепете серебряного ручья прорезались гневные возгласы и хрип умирающих, словно уханье боевых слонов вплелось в птичий гам... Еле слышно, на самой границе доступного — иллюзия, майя, любимое развлечение судьбы.

Пришлось склевать зерно-другое для успокоения бешено стучащего сердечка. Закусив тутовым червячком, маленький удод перепорхнул ближе к корявому стволу шелковицы. Закопошился меж корней, узловатыми жилами выступавших наружу, встопорщил оперение — и спустя мгновение крылья птицы судорожно заработали, отбросив хозяина на прежнее место.

Воистину сегодняшний день обладал всеми неудачными приметами, от шакальего воя с левой стороны света до карканья голубой сойки-капинджалы с правой! Вряд ли можно назвать удачей попытку клонуть желтый ноготь на ноге отшельника-аскета — пусть неподвижность человека и была сродни неподвижности вросшего в землю валуна. Даже длинная грязно-седая коса, похожая на молчаливый жгут, не колыхалась от ласки ветра, — змеилась себе вдоль торчащих позвонков хребта, раз и навсегда застыв проволочной плетью.

Всю одежду недвижимого обитателя Махендры составляла узкая полоска грубой ткани, прикрывающая чресла; над правым плечом висла слепень, жужжал раздраженно, но не садился.

То ли понимал, что здесь особо нечем пожить, то ли был прозорливее глупого удода.

Птица склонила головку набок и сверкнула черной бусиной глаза.

Словно в ответ, веки отшельника дрогнули. Качнули выцветшими ресницами, и вскоре в провалах глазниц заплескались озера кипящей смолы, заходили крутыми валами, ярьась агнцами-барашками; будто адская бездна Тапана смотрела на мир из души аскета. Такой взгляд подобает не дваждырожденному брахману, погруженному в созерцание истинной сущности, а скорее гневному воину-кшатрию, чей закон и долг — пучина битвы и защита подданных. Вряд ли причиной выхода из отрешенности послужил глупый удода: захоти аскет, пламени его взора хватило бы, чтоб испепелить на месте любого виновника. Окажись дерзкий великим раджей, владыкой людей, лохматым ракшасом-людоедом или божеством из Обители Тридцати Трех — все равно, пепел есть пепел, чей бы он ни был.

Пришпиленная к земле этим страшным взглядом, птица затрепыхалась, не в силах сдвинуться с места. Даже не сообразила, бедняжка, что аскет обращает на нее внимания не более, чем на жужжание слепня или на вечное движение Сурьи-Солнца по горбтому небосводу.

Сухие губы человека разлепились, дернулись струпами вокруг застарелой язвы рта, и во вновь упавшем из ниоткуда шуме битвы родились слова.

Шершавые и пыльные; не слова — песок в горсти.

— Они все-таки убили его... бедный мальчик!

Удоду чудом удалось извернуться и забиться в спасительную гущу олеандровых кустов. Протискиваясь глубже, пытаясь стать маленьким, меньше муравья, он вжимал головку в перья, а слова догоняли, ранили, тыкали в тощие бока пальцами; и клюв коршуна показался в эту минуту чуть ли не избавлением от мук.

— Бедный мальчик! Если б они еще ведали, что творят...

Пальцы аскета червями соскользнули с пергаментной кожи бедра — только сейчас стало отчетливо видно, что отшельник чудовищно, нечеловечески стар, — и раздвинули стебельки травы рядом с левой ягодицей. Жест был машинальным, неосознанным, и кончики самовольных пальцев мигом успокоились, вместо земли погладив холодный металл. Это был еще один повод изумиться: рядом с огненноглазым аскетом, ушедшим от мира, лежал топор...

нет, боевая секира, на длинном древке, увешанном колокольцами, с тонким полулунным лезвием, плоскость которого украшала гравировка.

Белый бык, грозно вздыбивший косматую холку.

Тавро Шивы-Разрушителя.

Даже в пламени костра этот металл оставался ледяным, подобно снегам Химавата.

— Бедный мальчик, — еще раз повторил аскет и устало смежил веки.

Храп бешеных коней ушел из журчания ручья, лязганье металла покинуло шелест листвы, и в недовольном ворчании слепня перестал крыться скрежет стрелы, скользящей по панцирю.

Только где-то далеко плакала женщина, захлебываясь рыданиями; но и плач в конце концов стих.

Воздух плавился под лучами заходящего солнца.

Тишина ненадолго воцарилась на поляне. Вскоре покой Махендры, лучшей из гор, опять был нарушен: приближался кто-то шумный и совершенно не намеревающийся скрывать свое появление. Хруст, шорох, раздраженный рык, проклятие острым шипам, которые имеют привычку исподтишка втыкаться в бока почтенным людям, — и спустя миг между двумя розовыми яблонями объявляется кряжистая фигура нового гостя.

О таких говорят, что они способны перебодать буйвола.

Особенно если учесть, что пришелец успел незадолго до того приложиться к сосуду с хмельной гаудой, крепким напитком из патоки. И, судя по покрасневшим белкам глаз и аромату хриплого дыхания, приложиться не единожды.

— Приветствую тебя, Бхаргава¹, — громогласно возвестил гость, нимало не стесняясь нарушить своим воплем покой святого человека.

После чего вперевалочку принялся совершать ритуальный обход сидящего по кругу слева направо — символ почтения, уважения и всего хорошего, что только можно символизировать на этом свете.

Богатые одежды любителя гауды пребывали в живописнейшем беспорядке, косо повязанный тюрбан из полосатого шелка норвил сползти на брови, и пятна жира вперемешку с винными кляксами украшали ткань в самых неожиданных местах.

— Не ори, тезка, — по-прежнему с закрытыми глазами, ответил аскет. — Ты что, за последнее время научился обходительности —

¹ *Бхаргава* — потомок Бхригу, легендарного мудреца.

именуешь меня безличным именем? Я — Бхаргава, мой отец — Бхаргава, дед мой — тоже Бхаргава, и так до самого родоначальника Бхригу... а он, как известно тебе не хуже меня, детишек настрого — любой позавидует! Любил старик это дело...

Гость смущенно засопел, прекратив обход на середине круга.

Услышавший такое сопение носорог, пожалуй, пустился бы бежать без оглядки.

— Сам знаешь, — сообщил он, глядя в сторону и стараясь не дышать на аскета, — норов у тебя еще тот... Собачий норов, не сочти за грубость. Раз на раз не приходится. Что ж мне, так и заявлять: дескать, Рама-Здоровяк по прозвищу Сохач желает здоровствовать Рама-с-Топором? А тут как раз тебя пчела в задницу укусила, ты меня возьмешь и проклянешь сгоряча — мотайся потом крысиным хвостом лет эдак двести! Нет уж, лучше мы по старинке, как положено...

— Ну и дурак. — (Слышать такое от аскета, лишнего страстей, было по меньшей мере странно.) — Сказал бы то же самое, но вежливенько, на благородном языке дваждырожденных или хотя бы на языке горожан и торговцев, а не на этом жутком наречии пишачей-трупоедов, которым только спяну чепуху молоть! Вот и вышло бы: Баларама Халаюдха, владыка ядавов, приветствует Парашураму, тишайшего отшельника, сына Пламенного Джамада! Как звучит, тезка! Хотя в Веды вставляй, для примера юношам! Учить мне тебя, что ли?

— Тишайшего, — со значением хмыкнул Баларама, довольный таким поворотом разговора. Во всяком случае, проклинать его аскет явно не собирался. — Меня, что ли, именуют Истребителем Кшатры? Я, что ли, гулял в Пятиозерье со своим топориком, да так гулял, что в каждом озере кровь вместо воды потекла? Я, что ли, своих предков этой самой кровушкой вместо святых возлияний поил?! Лес вокруг тебя — он и впрямь тишайший...

— Был. Пока ты через него не поперся, — закончил аскет, любовно поглаживая лезвие секиры. — Лучше ты мне вот что скажи, Здоровяк, раз явился... Ты единственный, кто устранился от этого побоища, которое они гордо именуют Великой Битвой?

Баларама подошел поближе и уселся прямо на траву, скрестив ноги. Теперь стало видно, что он отнюдь не так пьян, как хотел казаться, и что Рама-Здоровяк по прозвищу Сохач, что называется, с молодых ногтей привык управляться со своей непомерной силой. Садился тихо, бесшумно, словно не он только что ломился сквозь чащу бешеным вепрем; мощные руки, напоминающие два слоновьих хобота, скрестил на груди, боясь задеть невзначай что-либо —

видать, не раз задевал, и последствия были Балараме хорошо известны.

— Не единственный, тезка. Еще Рукмин из племени бходжей.

— Рукмин-Бходжа? Ученик царя оборотней Друмы? Обладатель одного из трех Изначальных Луков?! Интересно, как ему это удалось?

Баларама покусал губу, отчего его пышные усы встопорчились, и недоверчиво покосился на Раму-с-Топором. Было видно, что он полагает малую осведомленность аскета исключительно притворством — но заострять на этом внимание не решается.

Уж лучше ответить, когда спрашивают...

— Хитрец Рукмин перед самой битвой явился по очереди к предводителям обеих сторон. Явился шумно, с кучей войска, с гонгами-барабанами, и начал с одного и того же заявления: «Если ты боишься, о повелитель, то отринь страх: я — твоя защита в сражении!»

Аскет шипяще расхохотался, прогнув тощую спину.

Ни дать ни взять священная кобра раздула клубок и напомнила тварям, кто есть кто.

— Ах, умница! Узнаю школу Друмы-оборотня! Ну конечно же! — небось оба ответили ему: «Это я-то боюсь?! Это ты...»

— Вот-вот! Только в несколько иных выражениях! А Рукмин, не будь дурак, извинился, развернулся и поехал себе домой с чистой совестью! Разве что лук свой, один из Троицы, подарил — сам небось знаешь, кому!

В чаще раздался скрипучий вопль тоскующего павлина. Приближалась васанта — сезон весенних дождей — и радужные хвосты птиц помимо воли раскрывались веером, а длинные глотки рождали звуки, свойственные скорее разгулявшейся нежити на заброшенных кладбищах.

Ругнувшись сгоряча, Баларама моргнул и сам же широко улыбнулся, дивясь своей вспльчивости.

— Орет как оглашенный, — буркнул силач, словно извиняясь. — И как ты спишь на этой Махендре? Павлины вопят, муравьи в нос заползают, того и гляди змея за ляжку цапнет!

— Меня змеи не трогают, — сухо отозвался аскет, больше занятый обдумыванием поступка хитроумного Рукмина.

— Это верно. Главное, чтоб ты их не трогал... шучу, шучу! Люди опаснее змей, отшельник. Пройдет время, и всё припомнят: кто от бойни уклонился, кто на Махендре задницу просиживал, пока ученики любимые головы клали, братьев-дядьев стрелами истыкивали! Всё вспомнят, всё, ни единой капельки не обронят!

— Если будет кому вспоминать, — шевельнулись сухие бескровные губы.

— Твоя правда. Только...

Баларама вдруг дернулся, судорожно тряхнув широченными плечами, и усталился на аскета, будто впервые обнаружив его сидящим на поляне.

— Тебе было видение? Да, тезка?!

— Да, Здравояк. Мне было видение. Сегодня они убили последнего из моих учеников. Вначале пал Дед, за ним — Брахман-из-Ларца, и теперь пришла очередь Секача. Мы стоим на пороге Кали-юги, тезка, на пороге Эры Мрака.

— Которая закончится гибелью мира?

— Не болтай глупостей. Рама-Здравояк по прозвищу Сохач, сводный брат Черного Баламута, знает не хуже Рама-с-Топором, сына Пламенного Джамада, — Эра Мрака не заканчивается гибелью мира.

Аскет помолчал. Странными бликами отливала пепельная кожа его иссохшего тела, обвитого тугими жгутами совсем не старческих мышц, и оставалось только надеяться, что это цвет возраста, а не пепла от сожженных трупов, коим полагалось умачаться всякому истинному отшельнику-шиваиту.

Маленькому удоду в зарослях олеандра было очень страшно.

Страшнее всех.

— Эра Мрака не заканчивается гибелью нашего мира, — сухо повторил сын Пламенного Джамада. — Она ею начинается.

Книга первая

**Индра-Громовержец
по прозвищу
Владыка Тридцати Трех**

Бали сказал:

Против вас, двенадцати махатм, Адитьев,
Против всей вашей силы восстал я один, о Индра!

Если бы меня, дерзкого, не одолело время,
Я бы тебя с твоим громом одним кулаком низринул!

Многие тысячи Индр до тебя были, Могучий,
Многие тысячи Исполненных мощи после тебя пребудут.

И не твое это дело, Владыка, и не я тому виновник,
Что Индре нынешнему его счастье незыблемым мнится...

Махабхарата. Книга о Спасении, шлоки 350–354

Зимний месяц Магха, 27-й день Начало конца

Чтение этих глав есть благочестие и непреходящий свет; тот, кто аккуратно будет повторять их слово за словом во всякий день новолуния и полнолуния, обретет долгую жизнь и путь на небо.

Глава первая КОГДА БОГИ МОРГАЮТ

1

Сон отпускал меня неохотно, словно обделенная ласками любовница.

Было трудно вынырнуть из пуховой тучи забытья, сулящей все радости, какие только могут прийти на ум. Еще трудней было разлепить ресницы и взглянуть на потолок, расписанный блудливыми павлинами и не менее блудливыми богами, часть из которых я не раз заставал в самый разгар подобных развлечений — после чего приходилось либо раскланиваться, либо присоединяться.

За окном приглушенно шумела Обитель Тридцати Трех. Это удивило меня. По идее, едва мои веки дрогнут, крылатые гандхарвы-сладкопевцы должны во всю глотку славить величие и славу Индры-Громовержца, Стосильного, Стогневного, Могучего-Размогучего, Сокрушителя Твердынь и так далее.

Короче, меня.

Надо будет приказать князю моих горлопанов: пускай проследит, кто из гандхарвов оплошал, и организует виновникам по земному перерождению. Годков на семьдесят-восемьдесят, не меньше. Поплавают крокодилами в Ганге, поплачут горячими слезами... или пусть их.

Что-то я сегодня добрый.

Подхватившись на ноги, я — как был, в одной набедренной повязке — вихрем вылетел из опочивальни, пронесся мимо разинувших рот карл с опахалами и простучал босыми пятками по плитам из ляпис-лазури, покрывавшим пол зала.

Пышногрудая апсара в коридоре вытирала пыль с подоконника, украшенного тончайшей резьбой: я убиваю Змию, я убиваю

Вихря, я убиваю кого-то еще, такого мелкого, что и не разберешься... Облокотиться о лстивый подоконник всегда казалось мне удовольствием сомнительным; особенно когда удовольствия несомненные находятся под рукой. Я походя шлепнул красотку по сиделищу, достойному быть воспетым в историях походов этого проходимца Камы, разящего куда ни попадя из цветочного лука, — апсара взвизгнула, я издал страстный стон и в три прыжка оказался у притулившегося сбоку фонтанчика.

После чего плеснул себе в лицо пригоршню-другую ароматной воды и обернулся.

Такого ужаса, какой польхал в миндалевидных глазах апсары, я не видел со времен уничтожения Вихря. Проклятый червь... впрочем, речь не о нем.

Моя улыбка дела отнюдь не поправила. Скорее наоборот. Апсара по-прежнему стояла, зажимая рот ладонью, и глядела на меня, как если бы я только что на ее глазах засунул обе руки по локоть в человеческий труп.

— Ну чего уставилась? — с нарочитой грубостью бросил я. Любого из дружинников гроза в голосе Владыки мигом привела бы в чувство, апсара же совсем потеряла дар речи и только часто-часто заморгала, указывая попеременно на меня и на злосчастный фонтанчик.

— В-в-в... — дрогнули пухлые губы, предназначенные исключительно для поцелуев и любовных восклицаний. — В-в-владыка!.. вы умылись!..

Сердоликовое ожерелье на ее шее брызнуло россыпью оранжевых искр — и в испуге погасло.

— Умылся. — Воистину, сегодня моему терпению не было предела. — И сейчас еще раз умоюсь. Тебе это не по вкусу, красавица? Ты предпочитаешь грязных владык?!

— Нет, господин. — Кажется, она мало-помалу стала приходить в себя. — Просто... раньше вы никогда этого не делали!

Теперь настала моя очередь разевать рот и застывать столбом.

— Не делал? Ты уверена?!

— Разумеется, господин! Сами знаете: грязь не пристает к Миродержцам, к таким, как вы. Умываться?.. Ну разве что при посещении кого-то из смертных, когда вам поднесут «почетную воду»! И то вы больше вид делали...

— А так никогда?

— На моей памяти — никогда, господин!

Я задумался. Странно. Поступок еще минуту назад казался мне совершенно естественным, но слова апсары совсем сбили меня

с толку. Действительно, сосредоточившись, я не мог вспомнить ни одного случая утреннего умывания. Омовения — да, но омование вкупе с тесной компанией в водоеме, под щебет пятиструнной вины и ропот цимбал... Это скорее церемония, радующая душу, чем потребность в чистоте. А ополоснуть лицо, чтобы сбросить дрему и вернуть ясность взгляда заспанным глазам... Нет, не помню. Хотя мало ли чего мы не можем вспомнить только потому, что давно перестали замечать мелочи обыденности?

Так и не придя ни к какому выводу, я игриво ущипнул апсару за обнаженную грудь, рассмеялся, когда она всем телом потянулась ко мне, и двинулся дальше.

У лестницы, ведущей на первый этаж, облокотясь о перила балкона, стоял величественный старик. Несмотря на жару, облачен он был в складчатую рясу из плотной кошенили и украсился цветочными гирляндами — шедевр ювелиров, от живых и не отличишь! Космы бровей вздымались снеговыми тучами над Химаватом, узкий рот был скорбно поджат, как обычно, и обвислые щеки в сочетании с крючковатым носом делали старца похожим на самца горной кукушки.

Брихас, Повелитель Слов, великий мудрец и мой родовой жрец-советник, которого я в минуты хорошего настроения звал просто Словоблудом.

Он не обижался.

Он вообще никогда не обижался.

Может быть, потому что был существенно старше меня и любого из Локапал-Миродержцев — а это, поверьте, много значит.

— Я счастлив видеть Владыку в добром расположении духа. — Уж с чем-чем, а со словами Словоблуд обращался легко и непринужденно. — Душа моя переполнена блаженством, и осмелюсь доложить: во внутреннем дворе достойнейшие из бессмертных риши¹ уже готовы совершить обряд восхваления. Соблаговолит ли Владыка присутствовать?

Что-то в голосе жреца насторожило меня. Словно, повторяя заученные фразы, Брихас исподволь присматривался ко мне. Но не так, как пугливая апсара, а так, как присматривается отец к внезапно выросшему сыну или как мангуста — к замершей в боевой стойке кобре.

— Соблаговолит ли Владыка присутствовать? — вкрадчиво повторил Брихас. — Тогда я озабочусь, чтобы сюда доставили одеяния, достойные...

¹ Риши — святые мудрецы.

Переполюнявившее его душу блаженство отчетливо булькнуло в глотке, заставив дернуться костистый кадык.

— Не соблаговолит. — Я улыбнулся, отбрасывая странные подозрения, и еще подумал: не часто ли я улыбаюсь за сегодняшнее утро?

— Тогда я велю мудрым риши начинать, не дожидаясь?

— Валяй! Только предварительно прикажи выяснить: почему при моем пробуждении молчали гандхарвы?

— Увы, Владыка, — накажи истинно виновных, но пощади покорных чужой воле! Гандхарвы молчали согласно моему приказу...

— Причина? — коротко бросил я.

— Вчера Владыка был раздражен зрелищем великой битвы на Поле Куру, длящейся уже две недели, и лег спать, оставаясь гневным. Поэтому я и рискнул отослать певцов-гандхарвов, предполагая, что по пробуждении...

Все было ясно. Предусмотрительный советник решил убрать безвинных певцов из-под горячей руки господина. Можно было выкинуть из головы нелепые подозрения и обрадовать своим появлением кого-нибудь еще, кроме пугливой апсары и достойного Брихаса.

Все было ясно; ясно и безоблачно. И все-таки: когда я побежал вниз по ступенькам, укрытым ворсистым ковром, так и не дослушав до конца объяснения Словоблуда, — жрец сверлил мне спину пристальным взглядом, пока я не свернул во внешний двор.

Я чувствовал этот взгляд.

2

Первым делом я заглянул в павильон для купания. Из упрямы, надо полагать. Назло строптивой апсаре. Конечно, согласно этикету, следовало дожидаться в опочивальне торжественного явления сотни и еще восьми юных прислужников, позволить им облачить себя в легкие одежды и под славословия гандхарвов прошествовать в сиянии золотых сосудов, которые все это сонмище несло бы за моей спиной...

В большинстве случаев я так и делал. Положение обязывает. Но иногда, вдохнув запах утра, отличного от тысяч обыкновенных рассветов, я позволял себе минуту юности. Не телесной, нет, с этим у Индры Могучего, Стосильного, Стогневного и так далее, было все в порядке, чего и вам желаю, — зато со свободой... Ритуал порой давит на плечи тяжелей боевого доспеха, потому что к доспеху

можно привыкнуть, а навязшие в зубах церемонии можно разве что не замечать.

Увы... увы.

В воде, благоухающей жасмином и наверняка освященной дюжиной соответствующих мантр, плескались апсары. Увидев меня, они смутились столь призывно и чарующе, что стоило большого труда не присоединиться к ним в ту же минуту. Тем паче что одет (вернее, раздет) я был самым подходящим образом. Но сверло во взгляде Брихаса до сих пор причиняло зуд моей спине. Поэтому я ограничился малым: помахал красавицам рукой и уселся на скамеечке, предназначенной быть подставкой для ног. Еще одна дань легкомыслию и вызов общественному мнению. Тем более что сидение с высокой спинкой, выточенное из цельного куска эбенового дерева, стояло рядом. И восседать на нем полагалось исключительно мне; в крайнем случае — мне с апсарой-фавориткой на коленях.

Шачи, супруга моя дражайшая, в этом павильоне сроду не показывалась — чуяла, умница, что мужу нужны берлоги, где он сможет отдохнуть от семьи.

Соответственно, и я смотрел на некоторые проделки богини удачи сквозь пальцы. И даже смеялся вместе с остальными, когда кто-нибудь из приближенных дружинников-марутов или даже из Локапал-Миродержцев громогласно возглашал, косясь на краснеющего приятеля:

— Желаю Удачи!

Желать, как говорится, не вредно...

Зато в беде Шачи цены не было. Не зря ее имя означало — Помощница. Помощница и есть. Это пусть Шива-Разрушитель со своей половиной ругаются на всю вселенную, а потом мирятся — опять-таки на всю Вселенную, и мудрецы озабоченно поглядывают на небо: не началась ли Эра Мрака, не пора ли запастись солью и перцем?

Нет уж, у нас удача отдельно, а гроза отдельно!

Я и опомниться не успел, как одна из апсар оказалась подле моих ног. На полу, изогнувшись кошечкой, таким гладеньким леопардиком с хитрющими плотоядными глазками. Машинально склонившись к ней, я оказался награжден превосходнейшим поцелуем и был вынужден сосредоточиться на теплом бутоне рта и проворно сновавшем язычке апсары. Не скажу, что это не доставило мне удовольствия — но поцелуй был омрачен сознанием того, что я совершенно не различаю моих небесных дев. За редчайшим

исключением. Кто у нас в него входит?.. Ну, разумеется, тонкостанная Менака, прапрапрабабушка всех тех сорвиголов, что сейчас расстреливают друг друга на Поле Куру; затем чаровница Урваши, за плечами которой десятка три-четыре совращенных аскетов (за это красотку не без оснований прозвали «Тайным оружием Индры»); и, конечно же, сладкая парочка Джана—Гхритачи, близняшки из породы «Сборщиц семян» — потому что у любого отшельника, стоит ему узреть моих купающихся девочек, мигом начинается непроизвольное семьяизвержение...

Очень удобно, когда хочешь вырастить будущего человечка с хорошей родословной, но при этом убрать в сторонку рьяного папашу — особенно если папаша принадлежит к тем преисполненным Жара-тапаса¹ оборванцам, чье проклятие неукоснительно даже для Миродержцев!

Аскет-то после такого конфуза лет сто мантры бубнит, во искупление, ему не до случайного потомства — пусть хоть в кувшине с топленным маслом выращивают безотцовщину!

В следующую секунду я выяснил, что целуюсь именно с Гхритачи (или с Джаной?); вернее, уже не целуюсь, ибо апсара смотрит на меня, как брахман на священную говядину, и ужас в ее глазах кажется мне изрядно знакомым.

— Владыка! Ты... ты моргаешь?!

Что мне оставалось после такого заявления, как не моргнуть изумленно?

Апсара вывернулась из моих объятий и резво отползла в сторонку.

— А что, собственно, тебя не устраивает? — осторожно спросил я, пересаживаясь на полагающееся мне кресло.

Оправившись от первого потрясения, Джана (или все-таки Гхритачи?!) оценивающе смотрела на меня снизу вверх:

— Да, в общем, ничего... Владыка. Тебе даже идет...

— В каком это смысле «идет»?!

Я начал закипать.

— В прямом. Просто раньше ты никогда этого не делал.

— Не... не моргал?!

¹ *Танас* — *досл.* «Жар» (второе значение — «подвиг»); особый вид энергии, накапливаемый членом любой касты, выполняющим свой долг, но особенно концентрируемый теми, кто сознательно предался аскезе, истязанию плоти. Может быть обменен на соответствующий материальный или духовный дар; учитывается при выборе следующего перерождения, также расходуется при сбывающихся проклятиях и т. п.

— Ну конечно! Ведь Миродержцы не моргают!

Вот так встаешь утром, радуешься жизни и вдруг узнаешь о себе столько нового и интересного! Подойдя к полированному бронзовому зеркалу на стене, я пристально всмотрелся сам в себя. Попробовал не моргать. Глаза не слезились, и неподвижность век казалась совершенно естественной. Моргнул. Тоже ничего особенного. Не менее естественно, чем до того.

Змей Шеша их всех сожри, наблюдательных!

Испортили настроение...

Я громко хлопнул в ладоши, сдвинув брови, и с этой минуты никого уже больше не интересовало: моргаю я или нет, и стоит ли проснувшемуся Индре ополаскивать лицо? Потому что отработанный до мелочей ритуал вступил в силу — сто восемь юных прислужников, возникнув из ниоткуда, выстроились вдоль стен павильона со золотыми сосудами в руках, умелые массажисты принялись растирать меня благовонными мазями и омывать травяными настоями, покрывать кожу сандаловыми притираниями и украшать цветочными гирляндами.

После чего, облачаясь в подобающую сану одежду, я прошествовал к выходу, сопровождаемый мальчиками с опахалами из хвостов белых буйволов.

Покинув павильон, я прогнал огорченных мальчиков и в одиночестве направился к казармам дружины.

3

На половине пути к казармам, откуда доносился веселый лязг оружия и молодецкие выкрики, меня остановил Матали, мой личный возница. Вернее, это я его остановил. Матали как раз выезжал из-за поворота дороги, мощенной тесаным булыжником и ведущей к границе Обитатели Тридцати Трех — дальше начинались пути сиддхов, доступные лишь посвященным. И то стоило быть внимательным, чтобы вместо какого-нибудь Хастинапура, где тебя ждет совершающий обряд раджа, не залететь в Пут, адский закуток, где в ужасной тесноте мучаются умершие бездетными.

Впрочем, к Матали это никакого отношения не имеет.

Чутьочку рисуясь, возница лихо подбоченился и позволил поводьям провиснуть. Так, самую малость, изящной дугой над кинутой под ноги шкурой пятнистой антилопы и свернутым в кольцо бичом — ни дать ни взять ручная змея прикорнула в тепле рядом с хозяином; а четверка буланных коней радостно ржала, чувствуя

намек на свободу и одновременно с удовольствием повинуюсь твердой руке Матали.

Тень от белоснежного зонта падала наискосок, словно пытаюсь прирастить бедро возницы к боковому щиту, предохраняющему от столкновений.

— Правый коренник ремни растянул, — поравнявшись, сообщил я Матали, чем в корне пресек его попытку восхвалить меня, перечислив все триста четыре моих прозвища вкупе с породившими их причинами. — Вон, виляет, как негуляная апсара... Куда смотришь, сута?!

Матали придержал недовольно всхрапнувших коней и спрыгнул наземь. Коротко поклонился, на миг сложив ладони передо лбом. Дерзко сверкнул в упор ярко-синими глазами, напоминающими два сапфира в пушистой оправе ресниц. Знал, подлец: слабохарактерный Индра прощает своему суге больше, чем кому бы то ни было, и не потому лишь, что белокожий красавчик Матали знал любимицу-Джайтру, мою знаменитую на все Трехмирье колесницу, как свои пять пальцев! Даже не потому, что лучше его никто не мог гонять колесницу в любом направлении, от змеиной преисподней Паталы до Кайласы, горной обители Шивы, куда надо подъезжать наитишайшим образом, если не хочешь получить трезубец в бок!

Знаток ездовых мантр, синеглазый Матали был моим любимцем по одной, и очень простой, причине.

Он говорил мне правду в лицо гораздо чаще прочих. И если вы хоть когда-нибудь были Громовержцем, которому правду приходится долго и нудно в прямом смысле слова выколачивать из лстесцов, — вы меня поймете.

Закончив разглядывать меня (что-то в этом взгляде показалось мне ужасно знакомым), Матали принялся разглядывать коренника. Точеные черты его лица (разумеется, возницы, а не гордого собой четвероногого!) постепенно принимали выражение, с каким мне доселе сталкиваться не приходилось.

Удивить Матали... проще заново вспахать океан!

Молча он принялся возиться с упряжью. Лишь изредка мою щеку обжигал мимолетный сапфировый всплеск. Я стоял рядом и поглаживал ладонью бортик Джайтры; колесница трепетала от моих прикосновений страстней любой из апсар. Чуяла, родная, — сегодня будет дорога! Куда — еще не знаю, но обязательно будет.

¹ *Сута* — возница (конюший) кшатрия-воина, в обязанности которого заодно входило сочинение хвалебных песен о своем господине.

— Владыка желает отправиться на Поле Куру, дабы лицезреть поединки героев? — закончив труды праведные, спросил Матали высоким слогом.

И вновь, как в случае с Брихасом, я почувствовал некую напряженность в поведении легкомысленного суты.

Сговорились они, что ли?

— Позже, — не приняв тона, ответил я.

Хмурая тень набежала на лицо возницы, и колесничный зонт был здесь совершенно ни при чем.

— Но... Владыка вчера приказал мне с утра озаботиться Джайт-рой, поскольку собирался...

— Да на что там с утра смотреть-то, Матали? Сам рассуди: за две недели почти всех столичных витязей успели перебить, а остальные — так, шушера, за редким исключением... нет, не поеду.

Пристяжной жеребец легонько цапнул меня за плечо, и пришлось так же легонько, но с показной строгостью, хлопнуть злодея по морде.

Жеребец обиженно заржал и осекся под суровым взглядом возницы.

Лишь переступил с ноги на ногу да еще всхрипнул еле слышно.

— Именно сегодня, Владыка, — (похоже, Матали не сиделось на месте и он непременно хотел силком утащить меня на Поле Куру), — будут торжественно чествовать вашего сына, Обезьянознаменного Арджуну! В ознаменование вчерашней гибели надежды врагов сына Индры...

— Кого?!

Гибель надежды врагов сына... ишь, завернул, чище Слово-блуда!

— Я имею в виду незаконнорожденного подкидыша, Карну по прозвищу Секач, злокозненного и...

Сам не понимаю, что на меня нашло. Еще секунда, и Матали схлопотал бы по меньшей мере увесистую оплеуху. Кажется, он тоже понял, что стоял на краю пропасти, — поскольку в моей душе словно беременную тучу дождем прорвало. На миг мне даже померещилось, что слова возницы о подкидыше Карне-Секаче и его вчерашней гибели разбудили кого-то чужого, таящегося в сокровенных глубинах существа, которое называет себя Индрой; темный незнакомец просто-напросто забыл на рассвете проснуться и лишь сейчас вынырнул из тяжелой дремы, подобно морскому чудовищу из пучины... Зачем? Чтобы ударить безвинного Матали? За то, что сута искренне радуется победе Серебряного Арджуны, мо-

его сына от земной глупышки, мужней жены, возлюбившей богов пуще доброго имени?.. Да что ж он, Матали, враг мне, чтоб не возликовать при виде труп мерзавца, бывшего единственным реальным соперником Арджуны и поклявшегося в свое время страшной клятвой: «Не омою ног, пока не плюну в погребальный костер Обезьянознаменного!»

Едва слова клятвы, данной покойным Карной-Секачом, пришли мне на ум — мир померк в глазах, и из тьмы родился шепот майи-иллюзии.

— ...а этот неизменно любимый твой друг, о царь, который всегда подстрекает тебя на битву с добродетельными родичами, этот низкий и подлый хвостун Карна, сын Солнца, твой советник и руководитель, этот близкий приятель твой, надменный и слишком вознесшийся, отнюдь не является ни колесничным, ни великоколесничным бойцом! Бесчувственный, он лишился своего естественного панциря! Всегда сострадательный, он также лишился своих дивных серег! Из-за проклятия Рамы-с-Топором, его наставника в искусстве владения оружием, и слов брахмана, проклявшего его по другому случаю, а также благодаря лишению боевых доспехов своих он считается, по моему мнению, в лучшем случае наполовину бойцом!.. наполовину... наполовину...

Пальцы рук, окаменев в судорожном сжатии, никак не хотели разжиматься. И фыркнувший жеребец, что стоял ко мне ближе всех, испуганно попятился, заражая беспокойством остальных собратьев по упряжке.

— Прости, Матали, — пробормотал я, глядя в землю и чувствуя, как в сознании затихают отголоски низкого голоса с еле заметной старческой хрипотцой.

Голоса, произнесшего слова, каких я никогда ранее не слышал.

— Прости. День сегодня... то моргаю, то умываюсь! Вот, теперь чуть тебя не зашиб...

Как ни странно, он меня понял.

Сверкнул белозубой улыбкой, плеснул сапфировой влагой взгляда.

Не будь я Индрой, он, наверное, потрепал бы меня по плечу.

— Пощечина от Сокрушителя Твердынь дороже золотого браслета, подаренного любым из Локапал! Что браслет?! — зато ласка гневной десницы Владыки способна даровать миры блаженных самому последнему чандале-неприкасаемому!

— Лытец, — отгаивая, буркнул я. — Подхалим, пахнувший конюшной. Ладно, езжай... а на Поле Куру прокатимся. Только по-полудни. Договорились?

И еще долго стоял, провожая взглядом несущуюся Джайтру: буланое пламя распласталось в мгновенном рывке, хлопнул от ласки ветра стяг, рея над Матали, — ах, как он привстал, сута, сутин сын, на площадке с бичом в руках! — и россыпь искр разлетелась вдребезги на гладких камнях дороги.

Россыпь медленно гаснущих искр.

Так же медленно, неохотно, засыпал во мне чужак, баюкая зародыш плохо предсказуемого гнева, способного прорваться в мое сознание с легкостью молнии, пронизывающей громады туч.

Брихас, Повелитель Слов, родовой жрец Индры, — что же ты скрывал там, у балкончика, от своего Владыки?

Кроме того, никак не вспоминалось: действительно ли я вчера приказал Матали готовить колесницу для ранней поездки на Поле Куру?!

4

Налетевший порыв ветра растрепал мне волосы, принеся от казарм взрыв здорового мужского хохота — небось кому-то из дружинников сейчас крепко досталось! — и я опомнился.

Негоже Владыке стоять столбом поперек дороги (тьфу ты, чуть не подумал — столбовой дороги!) и хлопать ресницами. Особенно когда ни то, ни другое ему не положено. Это Шива у нас Столпник, как прозвали грозного Разрушителя упыри из его замечательной свиты — прозвали якобы за высочайший аскетизм, а на самом деле за некую часть тела, которая у сурового Шивы и впрямь столбом стоит с утра до вечера, а потом с вечера до утра!

Еще и веселятся на своих кладбищенских посиделках: «Милость Шивы — это вам не лингам собачий!» И уж совсем от смеху корчатся, когда кто-нибудь из свежих покойничков интересуется: что означает на жаргоне пишачей этот самый лингам?

Им, упырям, хорошо: хочешь — моргай, не хочешь — не моргай...

И вот тут-то появилась она. Та самая женщина, на которую я сначала даже не обратил особого внимания. И не только потому, что, погрузившись в размышления, не заметил ее приближения. Уж больно не похожа была она на безликих красавиц-апсар. Стройная, но в меру, миловидная, но опять же в меру, одетая в прос-

тенькое бледно-желтое сари, женщина шла по обочине дороги, неся на голове высокогорлый кувшин, — и из треснувшего донца таяко шлепались наземь капли воды.

Так и тянулись за ней быстро высыхающей цепочкой.

Будто утята за сизокрылой мамашей.

— Эй, красавица! — улыбнувшись, бросил я, на миг забыв о Матали и сегодняшних несуразностях. — Кому воду несешь-то? Гляди, вся вытечет, и придется заново ноги бить!

Женщина остановилась рядом со мной, ловко опустила кувшин к своим ногам и посмотрела на меня. Этот взгляд я запомню навсегда — еще никто не смотрел на Владыку Тридцати Трех подобным образом. Спокойно, приветливо, словно на старого знакомого, с каким можно посудачить минуту-другую, отдыхая от тяжести ноши, а потом так же спокойно распрощаться и двинуться своим путем — разом забыв и о встречном, и о разговоре.

И еще: в удлинённых глазах женщины с кувшином, в голубых озерцах под слегка приспущенными ресницами, не крылась готовность отдаться немедленно и с радостью.

— Ты не апсара, — уверенно сказал я, с трудом удерживаясь от странного желания прикоснуться к незнакомке.

— Я не апсара, Владыка, — легко согласилась она, и бродягаветер взъерошил темную копну ее волос, как незадолго до того играл с моими.

Капли, вытекающие из кувшина, впитывались землей — одна за другой, одна за другой, одна...

Слезы приветливых голубых глаз.

— Я тебя знаю?

— Конечно, Владыка. Каждый день я хожу мимо тебя с этим кувшином, но ты, как истинный Миродержец, не замечаешь меня.

— Как тебя зовут?

Спрашивая, я случайно заглянул в ее кувшин: он был полон, по край горлышка, словно не из него без перерыва бежала вода.

— Меня зовут Кала, Владыка.

Кувшин ручным вороном вспорхнул на ее плечо, и цепочка капель потянулась дальше — к моему дворцу от границы Обители Тридцати Трех.

Уходящая женщина вдруг показалась мне невыразимо прекрасной.

Чуть погода я двинулся следом.

Она была права. Я действительно никогда раньше не обращал внимания на Калу-Время. Как любой из Локапал. Но сегодня был особенный день.

Присев, я коснулся земли в том месте, куда впиталась капля влаги из кувшина Калы; одна из многих.

Земля была сухой и растрескавшейся.

Глава вторая

ГРОЗА В БЕЗНАЧАЛЬЕ

I

Террасы и балконы, переходы и залы превращались в пустыню при моем появлении. Лишь торопливый шорох подошв изредка доносился из укромных уголков, отдаваясь эхом под сводами, — предупрежденные о том, что Владыка сегодня встал с лицом, обращенным на юг, обитатели дворца спешили убраться подальше. Слухи были единственным, что распространялось по Трехмирию со скоростью, неподвластной ни одному из Миродержцев. Я ходил по обезлюдевшему шедевр Вишвакармана, божественного зодчего, моргал в свое удовольствие и тщетно искал хоть кого-нибудь, на ком можно было бы сорвать гнев.

Самым ужасным в происходящем было то, что и гнева у меня не находилось. Встречному грозила в худшем случае возможность обнаружить у сегодняшнего Индры очередную несвойственную Владыке ерунду — мало ли, может, язык у меня красный, а должен быть синий в темно-лиловую полоску!

И впрямь: кликнуть Матали и отправиться на Поле Куру?

Вместо этого я почему-то свернул от Зала собраний направо и вскоре оказался в хорошо знакомом мне тупике. Сюда никто не забредал даже случайно, справедливо опасаясь последствий. Однажды мне даже пришлось отказать гостю, Локапале Севера, когда он пожелал... Я отрицательно качнул головой, и умница Кубера, Стыжатель Сокровищ, не стал настаивать. Лишь сочувственно взглянул на меня и перевел разговор на другую тему.

Одна-единственная дверь, сомкнув высокие резные створки, красовалась по правую руку от меня, и я прекрасно знал, что именно ждет меня за одинокой дверью.

Нет, не просто помещение, через которое можно попасть в оружейную.

Мавзолеем моего великого успеха, обратившегося в величайший позор Индры, когда победитель Вихря-Червя волею обстоятельств был вынужден стать Индрой-Червем. Так и было объявлено во всеуслышание, объявлено дважды; и что с того, что в первый раз сви-

детелями оказались лишь престарелый аскет и гордец-мальчишка, а во второй раз бывший мальчишка стоял со мной один на один?!

Червь — он червь и есть, потому что отлично знает себе цену; даже если прочие зовут его Золотым Драконом! Как там выкручиваются певцы: лучший из превоходящих? Вот то-то и оно...

Словно подслушав мои мысли, створки двери скрипнули еле слышно и стали расходиться в стороны. Старческий рот, приоткрывшийся для проклятия. Темное жерло гортани меж губами, изрезанными морщинами. Кивнув, я проследовал внутрь и остановился у стены напротив.

На стене, на ковре со сложным орнаментом в палевых тонах, висел чешуйчатый панцирь. Тускло светилась пектораль из белого золота, полумесяцем огибая горловину, и уложенные внахлест чешуйки с поперечным ребром превращали панцирь в кожу невиданной рыбыны из неведомых глубин. О, я прекрасно знал эту чудо-рыбу, дерзкого мальчишку, который дважды назвал меня червем вслух и остался после этого в живых! — первый раз его защищал вросший в тело панцирь, дар отца, и во второй раз броня тоже надежно защитила своего бывшего владельца.

Уступить без боя — иногда это больше, чем победа.

Потому что я держал в руках добровольно отданный мне доспех, как нищий держит милостыню, и не смел поднять глаз на окровавленное тело седого мальчишки. Единственное, что я тогда осмелился сделать, — позаботиться, чтобы уродливые шрамы не обезобразили его кожу. И с тех пор мне всегда казалось: подкладка панциря изнутри покрыта запекшейся кровью и клочьями плоти. Это было не так, но избавиться от наваждения я не мог.

А мальчишка улыбался. Понимающе и чуть-чуть насмешливо, с тем самым затаенным превосходством, память о котором заставляет богов просыпаться по ночам с криком. Ибо нам трудно совершать безрассудства, гораздо труднее, чем седым мальчикам, даже если их зовут «надеждой врагов сына Индры»; и только у Матали, да еще у бывалых сказителей, хватает дыхания без запинки произнести эту чудовищную фразу.

Именно в тот день Карна-Подкидыш стал Карной-Секачом; а я повесил на стену панцирь, некогда добытый вместе с амритой, напитком бессмертия, при паханье океана.

Ах да, еще серьги... он отдал мне и серьги, вырвав их с мясом из мочек ушей — что, собственно, и делало его Карной, то есть Ушастиком! Он отдал мне все, без сожалений или колебаний, и теперь лишь тусклый блеск панцирной чешуи и драгоценных серег остался от того мальчишки и того дня.

Обитель Тридцати Трех пела хвалу удачливому Индре, а у меня перед глазами стояла прощальная улыбка Секача.

Как стоит она по сей день, всякий раз, когда я захожу в этот мавзолей славы и позора.

Я, Индра-Громовержец.

Индра-Червь.

Не стой я здесь, я почувствовал бы попытку нападения гораздо раньше.

Игра света на ребристых чешуйках превратилась в пламя конца света, в пожирающий миры огонь, и я ощутил: еще мгновение, и его жар выжжет мне мозг.

Дотла.

Только безумец мог решиться на такое.

Самое страшное, о чем можно помыслить: бой с безумцем.

С незнакомым безумцем.

2

...Словно рассвет Пралаи, Судного дня, рванулся ко мне, огненной пастью стремительно прорастая из пекторали доспеха. Тщетно: я уже не видел слепящей вспышки, вовремя покинув привычное тело, привычные стены, Обитель Тридцати Трех, вырвавшись из «здесь» и «сейчас» в то неназываемое Безначалье, где только и могут всерьез сражаться боги.

Такие, как я.

Или как тот, кто обрушил на меня подлый удар.

Пламя ворвалось туда следом за мной. На мгновение кровавый высверк взбаламутил безмятежные воды Предвечного Океана — но косматые тучи уже собрались над оскверненной гладью, и огонь ударил в огонь. Закутавшись в грозу, я воздел над головой громовую ваджру¹, знаменитое оружие из костей великого подвижника; рев взбесившейся бури, грохот, мечущий искры смерч — и чужое пламя корчится, гаснет, безвозвратно уходит в небытие... или в сознание, которое его исторгло.

Ты уверен в этом, Владыка?

Нет. Я в этом не уверен.

¹ *Ваджра* — досл. «молния», плоский кастет сложной формы, чаще четырех- или шестиугольной, которым сражались врукопашную или запускали в противника. Громовая ваджра — традиционное оружие Индры, и огненный перун олицетворяет именно она, а не стрела или копьё, как стало привычно в гораздо более позднее время.

Возможен ли неуверенный Громовержец?!

Невозможен.

Но — есть.

— Кто осмелился поднять руку на меня, Индру, Владыку Богов, Миродержца Востока?!

Голос мой трубным рыком раскатился над водами Прародины; но трубы эти показались детским хныканьем в сравнении с обрушившимся из ниоткуда ответом:

— Ты — Индра?! Ты — Владыка Богов?! Ты — презренный червь на бедре смертного! Ничтожество, жалкий вымогатель, кичащийся полученным не по праву саном! Так быть же тебе на веки вечные червем, слизистым гадом...

Презрение обволокло меня со всех сторон, липким саваном навалилось на плечи, превращаясь в бормотание мириадом ртов, в давящий рокот обреченности; под его чудовищной тяжестью я стал сжиматься, корчиться, судорожно извиваясь, как раздавленный червяк... Но в последний миг, когда густая волна ужаса и бессилия уже захлестывала мое сознание, гася последние искорки мыслей, — цепи отчаянья вдруг лопнули внутри меня. Сокрушительный удар отшвырнул, разметал клочьями силу чужого проклятия; захлебнувшись, смолк насмешник-невидимка, давая мне вздохнуть полной грудью, пошли мерить простор бешеным махом волны Предвечно-го Океана — и невиданный по силе гнев вспыхнул в душе Индры!

Давно я так не гневался! Пожалуй, еще с тех пор, когда один из смертных заполучил чудовищный по последствиям дар — под взглядом Змия любое существо отдавало ему всю свою силу! — и стал именовать себя Индрой, разъезжая по небу в колеснице, запряженной святыми мудрецами! Еще и мою Шачи себе в жены потребовал, скотина! Мразь! Упырь мерзкий!..

Воспоминание о Змие подействовало не хуже топленого масла, подлитого в жертвенный огонь, — веер хлещущих направо и налево молний излился наружу, ярясь в поисках притаившегося во тьме врага. Но напрасно металась дети мои, громовые перуны, над бурной водой — безучастен остался океан, ничто не пошевелилось в его таинственных глубинах, и никто не осыпался пеплом с молчаливого небосвода.

А когда ярость моя иссякла, так и не обрушившись на неведомого противника, над океаном послышался смех:

— И это все, что ты можешь? Поистине, я прав: ты червь, и ничего более!

— А кто ты, расточающий бессмысленные оскорбления? Кто ты, презренный трупоед из касты чандал-неприкасаемых, не реша-

ющийся явить свой истинный лик и сразиться со мной, как подобает?! Бьющий в спину, из-за угла, забыв долг и честь?! Кто ты, боящийся жалкого червя?!!

Голос мой снова набирал силу и вскоре легко перекрыл растерянно умолкший смех. Слова рождались сами собой, словно их вкладывали в мои уста, — но кто бы ни помогал сейчас Индре, пылающему от гнева, он отвечал достойно! Я и сам не смог бы ответить лучше.

— Выйди, покажись, предстань передо мной! Взгляни в глаза червю на бедре смертного! Ты страшишься слизи и объятий чревоходящего? — так отчего же мне бояться тебя?! Ты назвал меня трусом? В таком случае ты сам трусливее во сто крат! Покажись — или беги с позором, и не смей более беспокоить Громовержца, ибо недостойно Владыки сражаться с такими, как ты!

Голос более не отзывался.

Лишь шумел Предвечный Океан, безразличен к сварам и гордости своих правнуков.

3

Я медленно приходил в себя. Гораздо медленнее, чем хотелось. Окружающее черта за чертой обретало резкость, предметы возникали из небытия, меркло, тускнело видение Океана, струящегося в Безначалье...

Разумеется, я стоял все там же, перед панцирем и серьгами Карны-Секача, чью гибель сейчас небось шумно праздновали на Поле Куру. Стоял и растерянно моргал (в привычку входит, что ли?!), наверное, отнюдь не походя в этот момент на грозного Индру, только что метавшего молнии в невесть кого, заставляя содрогаться воды Прародины.

Кто?! Кто посмел напасть на меня?!

Первый вопрос, который возник в моем сознании, едва я вновь ощутил свое тело.

Это не могло быть проклятием неведомого аскета: такие проклятия всегда сбываются, и противостоять им бесполезно. Всеобщая аура тапаса, окутывающая Трехмирье, позволяет подвижнику накопить столько всемогущего Жара, что даже сам Брахма не в силах помешать отшельнику исполнить задуманное и произнесенное.

Человек, бог или распоследний пишачь-трупоед — если он предался сознательной аскезе с целью получить дар, то накопление соответствующего количества Жара-тапаса зависит теперь лишь от его выдержки и терпения.

Кроме того, я, да и другие небожители, уже не раз испытывали на собственной шкуре действие подобных проклятий. Результат? Я, например, попадал в плен, проигрывал сражения и однажды даже прятался в венчике лотоса. У могучего Шивы, раздразившего целую обитель отшельников, напрочь отвалилась его мужская гордость (впрочем, у Разрушителя, величайшего развратника, но и величайшего аскета нашего времени, оказалось достаточно собственного Жара, чтобы его замечательный лингам вскоре отрос, став краше прежнего). Миродержец Юга, Петлерукий Яма, был проклят собственной мачехой, редкостной стервой, из-за чего Яме даже пришлось умереть — что на нем, Властелине Преисподней, никак не отразилось...

Но все это выглядело совсем по-другому! Да прокляни меня какой-нибудь благочестивый брахман, которому я чем-то наперчил в молоко, — я бы просто в тот же момент превратился в вышеозначенного червяка! На соответствующий срок, без всяких молний, огненных вихрей, зловещего смеха и обмена «любезностями»!

Внезапная стычка скорее напоминала давнюю битву с Вихрем, погибелью богов; тем паче что проходила она как раз над теми же Безначальными Водами! — вот где было вдосталь и огня, и молний, и разнообразного грохота... Значит, не аскет? Значит, равный?! Кому из оставшихся титанов-асуров, небожителей или Миродержцев наступил на мозоль Индра-Громовержец?

И самое главное — кто помог мне одолеть безымянного врага?..

Наглухо утонув в размышлениях, которые отнюдь не прибавляли ни веселья, ни сил, я собрался было уходить — но в глаза мне бросилась злосчастная пектораль, не так давно полыхавшая огнем. Дело, в общем, крылось не в ней, и не в выманенных у Карны доспехах с серьгами; совпадение, атака невидимки вполне могла застать меня, к примеру, в трапезной или на ложе с апсарой. Но блики рассеянного света, играя на полумесяце вокруг чешуйчатой горловины, на глади белого золота, даже сейчас были странными, складывающимися в...

Во что?!

Я пригляделся.

Река. Струится, течет в неизвестность, колебля притаившиеся в заводях венчики лотосов; и тростники качаются под лаской ветра. Да, именно река и именно тростники. Вон селезень плывет. Толстый, сизый, и клюв разевает — небось, крикает. Только не слышно ничего. И тростники совсем близко, качаются у самых глаз, будто

СОДЕРЖАНИЕ

Гроза в Безначалье

Книга первая. Индра-Громовержец по прозвищу Владыка Тридцати Трех	13
Книга вторая. Гангея Грозный по прозвищу Дед	85
Книга первая. Индра-Громовержец по прозвищу Владыка Тридцати Трех	341

Сеть для Миродержцев

Книга первая. Индра-Громовержец по прозвищу Владыка Тридцати Трех	369
Книга вторая. Наставник Дрона по прозвищу Брахман-из-Ларца	433
Книга первая. Индра-Громовержец по прозвищу Владыка Тридцати Трех	721

Иди куда хочешь

Книга первая. Индра-Громовержец по прозвищу Владыка Тридцати Трех	761
Книга вторая. Карна-Подкидыш по прозвищу Секач	797
Книга первая. Индра-Громовержец по прозвищу Владыка Тридцати Трех	1033

Олди Г. Л.

- О 53 Черный Баламут : романы / Генри Лайон Олди. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 1088 с. — (Мир фантастики). ISBN 978-5-389-15679-1

Мир стоит на пороге Кали-юги, Эры Мрака. Зарницы небесного оружия полыхают над Полем Куру, ставшим ареной величайшей из битв, один за другим гибнут герои и простые бойцы, и даже боги-Миродержцы уже не в силах остановить эту бойню. Мир катится в пропасть, в райских садах объявляются демоны, души мертвых отказываются идти в миры блаженных и в геенну огненную, а над пепелищем встает призрак мира нового — Господь Кришна, Черный Баламут с неизменной флейтой в руках. Кто он на самом деле, мятежная аватара небожителя, существо с Богом в душе, с царем в голове и с камнем за пазухой?! Чего он хочет?!

А перед могучим Индрой-Громовержцем шаг за шагом разворачиваются жизни трех учеников великого аскета Рамы-с-Топором — кшатрия Гангеи Грозного, брахмана Дроны и Карны-Секача, сына возницы, свободного человека державы Кауравов.

Судьбы обычных людей и царей Хастинапура, судьбы небожителей и их земных воплощений, о чем повествовали и умалчивали древнейшие мифы Индии, — стали основой для «Черного Баламута», грандиозного романа-эпопеи, одного из самых значительных произведений Г. Л. Олди.

УДК 821.161.2

ББК 84(4Укр)-445

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ ЧЕРНЫЙ БАЛАМУТ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ирина Сологуб, Елена Шнитникова,
Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.11.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 68. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Авторский интернет-магазин «Мир Олди»:
<http://www.oldieworld.com>

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-МФФ-24063-01-Р

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/